

Этот рассказ для тех, кто любит летать.

В салоне он садился ближе к проходу, пропуская к иллюминатору других пассажиров, радостных от такой нечаянной удачи и возможности полюбоваться на взбитую перину облаков, причудливые промельки земли, городов и поселков.

Это было похоже на полет над яркой географической картой.

Выбирал момент и начинал пояснять соседу или соседке, что сейчас происходит: прогрев двигателей, подготовка к взлету, рулежка, разбег в режиме «максимум», набор высоты. Убрали шасси, вышли на крейсерский участок, а потом включили автопилот.

Вот – пошли на снижение по глиссаде. Маневр для захода на посадку, значит, крейсерский участок полета завершен, и они направляются к краю ВПП. Потом точно по осевой коснулись бетонки, выпустили закрылки, предкрылки, вот уже реверс, рев двигателя – и побежали.

Перекрикивал шум двигателей, и было видно: это его стихия.

В нем чувствовали профессионала, и ему верили с первого слова.

Впрочем, однажды он позволил себе пошутить с пожилой женщиной. Он был тогда молодым инженером и возвращался из командировки в Москву.

В сиреневых сумерках зажглись красные огни на консолях крыльев, замелькали отраженным от облаков проблеском, и она встревожилась – что это, зачем?

– Это значит: туалет – свободен, – пояснил с серьезным лицом.

Дама долго восторгалась таким уровнем «сэрвиса».

– А как же мы сядем в таком тумане? – волновалась она, поглядывая с легким ужасом на плотные облака.

– Ничего страшного – выведут по глиссаде. Это такая техническая придумка. Вот представьте себе в пространстве некую линию, которая образована пересечением двух сфер...

Приятно было наблюдать радостное изумление людей, далеких от авиации. Жена и две дочери знали это наизусть, вот почему во время полета с ними он молчал, но в уме все же прокручивал то, что происходило, словно контролировал последовательность действий, согласно регламенту.

Иногда попадался командир корабля, который комментировал в салоне свои действия для пассажиров во время полета. Он внимательно его слушал, будто экзамен принимал, и только утвердительно кивал головой:

– Ну что же – все верно!

Алексей Иванович Глазков любил спорт, гранил тело тренировками и готовился стать военным лет-

чиком. Если повезет – испытателем. А там – отряд космонавтов и...

Все началось необычно. Пение в школе с седьмого класса преподавал бывший моряк-подводник. Коренастый, узловатый, как ствол саксаула, с синими глазами. Из-под открытого ворота рубашки виднелись полосы тельняшки.

Он приходил в безумствующий после перемены класс, пытался навести порядок. Когда его терпение зашкаливало на невыносимом пределе, он открывал футляр и доставал «Вельтмайстер». Красно-бело-золотой аккордеон!

Оживший праздник, а не инструмент!

Странно было наблюдать, как ловко короткие, толстоватые пальцы дровосека пробегают по пуговичкам, извлекая мелодию.

Он играл и пел так, будто от этого зависела не только его жизнь, но и жизнь всего класса, а может, всей школы и района. Перламутр инструмента светлыми искорками отскакивал от стен, от пыльной доски, скучных наглядных пособий.

На шкафу с папироской в клюве и косынкой из тряпки для стирания доски громоздилось чучело чайки, чтобы окончательно вывести из себя бывшего боцмана.

И класс – замирал, словно играла сейчас волшебная дудочка и вводила из города расшалившихся школяров.

Одна песня потрясла воображение юного Алеши. Особенно слова:

*...Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца – пламенный мотор!*

Он долго выпытывал у Игоря Петровича, что это может означать, но тот отвечал, что это – «поэтический образ». «Такое поймут только романтики, те, кто выбрал море, и конечно – на всю жизнь... Или авиацию, например. Там тоже – океан! Хотя и небо».

Алексей решил стать летчиком-испытателем и начал серьезно готовиться к этому. Но в военное училище не попал – на медкомиссии у него в барокамере оказалась замедленная реакция на переключение контрольного тумблера.

Без особого желания он поступил в институт инженеров гражданской авиации и до третьего курса все сомневался – нужна ли ему *такая* авиация?

Потом он на лето устроился диспетчером по загрузке в аэропорту и к началу «спецов» – предметов по специальности – точно понял: это его дело!

Учиться стало легче, оценки заметно повысились, хотя ему казалось, что он прилагает к этому гораздо меньше усилий, чем прежде.

Он предложил товарищу, хорошему математику, сделать вдвоем курсовой проект. Это был аэропорт, но изюминкой его должна была стать эллипсообразная ВПП, технические службы, перронная механизация по последнему слову мировой практики. Прототипом стал DC-8, «Дуглас», лайнер, способный экономично, с прибылью справиться с большими потоками пассажиров и грузов на маршрутах перевозок.

Он закрывал глаза и видел перед собой современное, технически оснащенное, компактное сооружение, облегчающее жизнь путешествующим людям и дарящее им радость в отрыве от дома.

Целый год они увлеченно занимались проектом, Алексей был мотором этой работы.

Чудо-аэропорт в шутку решили назвать «Глазков».

Над летящим зданием аэровокзала светились неоновыми синими, как небо, невесомые буквы, и у него захватывало дух.

Блестяще защитили проект, но на кафедре он не остался, хотя и звали, прочили большое научное будущее и перспективы карьерного роста.

Он работал в службе перевозок большого аэропорта, не роптал на трудности. В свое время женился на девушке, никак не связанной с авиацией, и это сохраняло некий ореол, уважение к его профессии и, конечно же, брак.

Получил квартиру, родились две дочки.

По работе он облетал весь Союз, самые дальние углы. Как будто знал, что потом, после развала страны и ее единственного монополиста воздушных трасс, такой возможности уже не будет. Очень жалел, что в длинном перечне городов, в которых побывал, нет Еревана и Бухары.

Он никогда не задумывался о том, чтобы слетать за границу, например, в Париж, – то есть совсем в другую сторону от обычных, рабочих маршрутов. Дочери вышли замуж, родили ему внуков.

– Не семья, а кузница невест! – говорил он шутя.

Одна жила в Дублине, другая – в Осло. Жена пропала там безвременно, в полном соответствии с высоким званием «бабушка», а он прилетал проводить. Как и прежде, привычно, налегке, регистрировался и летел, не замечая неудобств спецконтроля: надо – значит, надо. При этом не было ощущения упрощенности, трамвайной кратковременности поездки и оставался прежний, затаенный пиетет, даже можно сказать – внутреннее благоговение перед авиацией. Чувство, жившее в нем с молодости, завораживало таинственным пламенем полудночной свечи.

Через короткое время элемент новизны в полетах через всю Европу пропал, и он воспринимал их привычно, сосредоточенно, вслушиваясь в гул авиационных двигателей, словно доктор фонендоскопом в ритм сердца и работу легких. Хотя это были надежные «Эйрбасы» и «Боинги».

Взлетная, суммарная масса узлов, агрегатов и полезной загрузки должна равняться единице! Вот требование к существованию летательного аппарата тяжелее воздуха, выведенное еще на заре авиации Можайским. Все остальное – развитие науки и технологии, и они лишь совершенствуют ту или иную часть формулы.

В канун Рождества он накопил подарков почти на все деньги и полетел в Дублин. В кармане оставалось семь евро и пять на карточке. Через три часа его встретит зять, а через три дня – пенсия.

«У Бога ведь нет денег! Зачем они ему?» – легкомысленно подумал он.

Погода по трассе была хорошей, местами – снежной. Лишь в Париже и Лондоне отменяли рейсы, но это было чуть-чуть в стороне и осталось «под крылом». Салон заполнен, свободных мест не видно. Много детей и бабушек с мамами. Рейс походил на детский утренник, и веселую публику с трудом усадили на места перед посадкой.

Рядом оказалась супружеская пара примерно одних с ним лет. Они много смеялись, рассказывали анекдоты, радовались предстоящей встрече. В салоне объявляли города и страны, над которыми проходил полет. В иллюминатор светило солнышко.

«Странно, – подумал Глазков, – солнце оказалось справа, значит, мы развернулись и летим на восток вместо того, чтобы лететь на запад».

Дублин не принимал, и они приземлились в другом аэропорту. Он не сразу понял – где, но когда прочитал название «Glasgow», удивился и перевел на кириллицу как «Глазков».

Денег хватило на пачку чипсов, бутылочку минералки. Он грыз соленые пластинки, обдирая небо, запивал безвкусной водой; потом все это повторялось просто от ничегонеделанья. Обменивался краткими эсэмэсками с родными. Пополнить кредитную карточку возможности не было.

Стаи черных птиц закругляли в сером небе знаки бесконечности, оставляя метки в пространстве.

В пустой аэровокзал забрел унылый вечер и присел на жесткое кресло зала ожидания.

У входа в кафе стояло красивое ведро с номером. Собирали пожертвования для детей Чернобыля. Он высыпал оставшуюся мелочь. Получилось громко,

внушительно, хотя и были там жалкие медяки, но ему не было стыдно.

«Не больше двух лепт», – вспомнил он библейскую притчу о вдове.

Их повезли в гостиницу через спящий город. В окнах светились огоньки елок.

«Рождество надо встречать за границей, а Новый год лучше в России или там, где много хрусткого снега, мороз. Какие сугробы навалило! – думал он, глядя в стывшее окно большого автобуса. – Должно быть, много русскоговорящих переселились на эти острова, в Европу, и привезли вместе с привычками настоящую зиму!»

Накормили скромным ужином – «треугольными» бутербродами и водой со льдом.

Номер был одноместный. Он с радостью узнавал приметы, за которые его критиковали когда-то, на защите проекта: глазок в гостиничной двери, как в квартире. Небольшая гладильная доска, утюжок, стаканы и бокалы. Чай, кофе, сахар, чайничек, телевизор, компьютер, шампуни, небольшой кусочек мыла. То есть все то, что не стоит возить с собой, включая кипятильник, но в чем есть постоянная необходимость.

– Вот она – моя правота!

Хоть и прошло много лет, но он был рад подтверждению этого даже больше, чем возможности воспользоваться.

За отдельную небольшую плату можно было заказать и другие услуги.

– Мыслимо ли – с наших людей мзду взимать! – гневались когда-то его оппоненты.

Подъем в пять утра, в шесть выезд в аэропорт. Он боялся проспать. Включал бра, щурился, смотрел на часы. Так повторялось два-три раза в течение каждого часа. Засыпал, вновь просыпался и к утру стал похож на отчаянно гребущую к дальнему берегу собаку.

Хорошо, что не было сквозняков, от этого становилось уютней.

Вьюга гудела тонкими переборами, завывала, как черт на дудочке. Он подходил к окну, смотрел на белый пепел холодного вулкана зимы. Раздражающим писком мышки, прихлопнутой мощной пружиной, вскрикивал умирающий мобильник. Где-то наверняка был адаптер для «тройной» розетки, но глубокая ночь сокращала возможности, и беспокоить ресепшен он не стал.

Пространство перед гостиницей припорошило, выбелило до рези в глазах. Окно выходило на тыльную сторону, дальше – зазубринами лес, словно он смотрел на него сейчас из окна загородного дома.

«Лыжайка – лужайка для лыж», – подумал он просто так.

Сколько их было, бессонных ночей! Беспокойства перед школьными контрольными, караульной службы в ШМАСе – школе младших авиационных специалистов, любовных бдений, гостиничного, вокзального, дорожных неудобств. Ступор от усталости не отдохнувшего организма. И всякий раз уходит человек в сон по-разному: то плутает в лабиринтах, то едет куда-то, то уплывает беззвучно, то летит, парит невесомо. Наш сон самое таинственное путешествие в жизни. Может быть, это и есть подготовка к космическому полету – потом? Туда, где одиноко и скромно, и немного грустно все еще теплится юношеская мечта стать испытателем мощных, рукотворных «ласточек».

Вдруг припомнился случай – в Самаре. Гостиница. Среди ночи – сильнейший грохот. Он выглянул в окно с третьего этажа. Под решеткой, в приемке подвального «окопчика», кот гонял пустую банку из-под тушенки. Видно, кто-то из постояльцев выставил на жестяной отлив, и она свалилась вниз, а кот никак не мог открыть и шалел от вкусных запахов и невозможности достать содержимое, «играл в футбол», не давал уснуть.

Осень. Большая поляна за забором. Стреноженный конь встряхивает пегой челкой, переступает с ноги на ногу. Глухими ударами сердца в ребра, натужный топот копыт в упругую землю...

С ним ли это было?

Все-таки он встал на час раньше. Умылся. Таблички везде – «Экономь», «Не сори», «Следи за чистотой». Он выполнял неукоснительно все предписанное, пункт за пунктом: привык к дисциплине.

Выпил горький растворимый кофе.

На улице снежное роскошество растаяло. Слякоть. «Лыжайка» превратилась в лужу, мелкий уличный водоем.

В четвертый раз за сутки прошли спецконтроль, долго стояли на старте.

– На взлетной полосе – лиса! – доложил командир. «Должно быть, прибежала из того лесочка, что я видел ночью, – подумал Алексей Иванович и глянул в иллюминатор. Там холодным ультрамарином фосфоресцировало «Glazgow». – Удачи тебе, «Глазков»».

Полет на соседний остров был коротким – всего полчаса и десять минут, чтобы на малых оборотах вырулить к аэровокзалу.

Зять был на работе. Его встретили жена, дочь и внучка. Девочка смеялась, веселые водопадики

прихваченных волос выливались из плотных резинок, вздрагивали, и становилось смешно и шекотно, как будто кто-то невидимый в шутку шевелил пшеничным колоском в носу.

– Деда, ты где так долго был?

– Летал в аэропорт своей мечты! Очень понравилось, только скучно без вас, без тебя, «киндерсюрприз»!

– А откуда я взялась? – серьезно спросила внучка

– Родилась!

– Как здорово, что я родилась!

В субботу после завтрака они всей семьей поехали в Хофт, небольшой городок на берегу залива. Гуляли по берегу, наблюдали отлив.

Рыбаки выгружали ящики со свежим уловом, лодушки для крабов.

Внучка взяла его за руку, повела в конец пирса. Подошли к самому краю, всматривались, отыскивая признаки жизни в коричневой жиже ила. Громко кричали чайки. Пахло йодом и снулой рыбой. Ничего интересного. Он отпустил руку внучки.

Он упал на спину примерно с высоты двух метров. Мягкая подстилка оказалась, кстати, и хорошо, что был отлив, иначе бы он искупался в ледяной воде: нет худа без добра, как говорится.

Дочь, зять и жена кинулись к краю пирса, протягивали руки, чтобы помочь ему взобраться, но он, увязая, побрел к берегу. С куртки стекала грязь, руки были запачканы.

Они сопровождали его, шли по пирсу. Внучка заплакала.

– Ты живой? – спросила она.

– Жив.

– Дедуля, я тебя люблю!

– И я тебя люблю, – сказал он и тоже хотел заплакать, но сдержался.

– Надо скорее тебе искупаться и постирать вещи.

– Ты в порядке? – спросила жена.

– Ничего особенного, просто упал. Кто-то коварно стукнул меня по затылку и сразу же сделал подсечку. Ноги из-под меня выдернул, да это и несложно было сделать, потому что с рыбы натекла на бетон слизь.

На берегу разглядели его со всех сторон и поехали домой.

Сильнее всех расстроилась внучка, и пока шли к машине, он рассказывал ей, стараясь успокоить.

– Знаешь, у меня ведь есть три прыжка с парашютом, но прежде чем нас допустили к прыжкам, долго учили правильно падать, поэтому я подсознательно сгруппировался и удачно приземлился

на спину. Невредимый, потому что грязь – субстанция мягкая. Никогда не знаешь, в какой момент могут пригодиться разные знания, поэтому надо много учиться.

Получилось слегка назидательно, потому что он расстроился от коварной подсечки на пирсе.

В машине постелили на сиденье пакеты, чтобы не запачкать.

Дома он переоделся, пошел в душ, а куртку загрузили в стиральную машину.

Он и внучка надели передники, испекли маффины с изюмом. Потом всей семьей пили чай.

– Я знаю, почему летают самолеты, придуманные человеком, хотя они тяжелее воздуха, а сам не могу летать, но во мне есть постоянное ощущение полета. Особенно сегодня я это почувствовал, когда шлепнулся так коварно, ведь пока не упадешь, не поймешь, что летали так высоко. Должно быть, когда-то давно людей заколдовали за какую-то провинность, они смирились и разучились летать.

Его слушали и запивали чаем нежные маффины.

Вечером он и внучка собрались в парк. Игровой городок был в Малахайде, и они проехали две остановки на пригородном поезде.

По дороге внучка придумала песню и назвала ее «По дороге в Малахайд», и все, что увидели они в окне вагона, оказалось в этой песне.

Там было много детишек разных возрастов, включая взрослых. Они носились между аттракционами, шумели и визжали. Было весело.

Внучка забралась на ограждение игровой площадки, встала в полный рост и, раскинув руки, закричала: «Дедуля, я лечу-у-у!»

Он поймал ее, крепко обнял и крикнул в ответ: «Я, добрый волшебник, расколдовал тебя! Теперь ты сможешь летать, когда захочешь!»

Они уже не расстраивались из-за происшествия на пирсе, благополучно совершили еще несколько полетов, пора было возвращаться домой.

Они забыли про время, и пришлось бежать на поезд, потому что из-за них расписание никто не меняет.

Они бежали по мосту на противоположный перрон, взявшись за руки, а внизу стоял их поезд, готовый вот-вот тронуться, и он немного расстраивался.

– Думай позитивно! – крикнула ему внучка.

Машинист увидел их, улыбнулся и помахал рукой, давая понять, что он их подождет.

Они заняли места у окна, машинист дал сигнал, и поезд тронулся.

Отдыхались.

Он попросил внучку исполнить песню «По дороге в Малахайд», но она забыла третий куплет, потому что не записала слова, и придумала новый, а потом вспомнила, и у песни стало на один куплет больше.

«Я люблю скрипку и гитару, – подумал он, – потому что у души есть струны, а клавиши – у рояля и пианино».

Перед сном он читал книжку про ковер-самолет и не заметил, когда уснула внучка.

Он выключил ночник и тихонько вышел.

Получился дли-и-и-нный-предлинный день.

